

НОВЕЙШАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВА XXI ВЕКА*

В статье рассматриваются современные социальные трансформации, получившие концептуальное объяснение в работах западных социологов. В научный дискурс вводятся новые лексические понятия и термины, описывающие эти трансформации.

Ключевые слова: социологическая лексика; понятия; инновационная терминология; социальные трансформации.

Goloukhova Daria Valerievna
 Kapitonenkova Tatyana Dmitrievna

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
 of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

NEW SOCIOLOGICAL VOCABULARY AS A MARKER OF SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE 21ST CENTURY

The article is focused on the modern social transformations discussed in the recent works of contemporary sociologists. The authors introduce new terms and concepts describing these transformations into the sociological discourse.

Keywords: sociological vocabulary, terms, innovative terminology, social transformations.

* Статья подготовлена в рамках гранта ректора Московского государственного института международных отношений МИД России

Человеческие общества XXI века движутся по пути нелинейного развития. Опираясь на обоснованный И. Пригожиным эффект «стрелы времени», можно утверждать, что темпы развития социума, как и материи, непрерывно ускоряются, а сам он становится все более сложным [Пригожин, 2001]. Усложняющаяся социальная и культурная динамика отражается на характере научного теоретизирования и требует постоянного переоткрытия социологического знания. Обновление научного дискурса осуществляется, в частности, через создание новой социологической лексики, которая позволяет концептуализировать и объяснить современные социальные процессы. Введение новых лексических инноваций и пересмотр существующих социологических терминов с учетом новых социо-природных реалий способствует развитию понятийного аппарата социологической науки, позволяют ввести новую проблематику, расширить спектр существующих парадигм и понять проблемы, связанные с новыми социальными процессами, в том числе процессами модернизации.

Современные социологи непрерывно работают над развитием теоретико-методологического инструментария и категориального аппарата науки. Однако проходит много времени, прежде чем новые термины или авторская интерпретация известных концептов появляются в словарях, справочниках и учебных пособиях. Целью данной статьи является раскрыть наиболее интересные, на наш взгляд, тенденции в современной социологической мысли, связанные с исследованием современных трансформаций и вызовов XXI века.

1. Начало XXI века связано с распространением кризисных явлений в западных обществах. М. Кастельс рассматривает усложняющуюся природу современных кризисов на примере стран Европейского Союза [Castells, 2017]. Социолог отмечает, что проект союза был основан на политической и культурной интеграции, предполагавшей наличие у всех европейцев

общих ценностей и единой идентичности. Однако, с точки зрения Кастельса, эта идентичность так и не была сформирована. Идентичность европейцев предполагает соединение общеевропейских элементов с национальными и региональными при преобладании последних. Эта амбивалентность, в частности, привела к тому, что в условиях экономического кризиса и кризиса легитимности власти ЕС был неспособен сохранить свою институциональную целостность. Рассматривая специфику современных сложных кризисов, М. Кастельс вводит целый ряд новых терминов и предлагает авторскую интерпретацию известных социологических концептов. В частности, социолог предлагает собственную трактовку *идентичности*, которую он определяет как набор ценностей, которые придают жизни людей символическое значение через усиление их индивидуальности и чувства принадлежности к некоторой референтной группе [Castells, 2017, p. 180]. Так, *европейская идентичность* рассматривается им как набор разделяемых всеми европейцами ценностей, которые позволяют им почувствовать, что они принадлежат к четко определенной европейской культуре и институциональной системе, которая видится им легитимной и значимой [Castells, 2017, p. 180]. Рассматривая последствия кризиса, М. Кастельс вводит собственное определение ценности [Castells, 2017a, p. 5-6]. *Ценность* (value) – то, что в конкретном социальном / институциональном контексте доминирующие институты и нормы признают наиболее ценным. В современном обществе капиталистические институты доминируют над другими институционально-культурными формациями, которые полностью находятся во власти капитализма. Их доминирующая роль привела к тому, что экономическая ценность вещи определяется исключительно ее меновой стоимостью, то есть ее ценой в денежном эквиваленте. В тех государствах, где наивысшей ценностью, вокруг которой организовано общество, является поддерживаемая

армией власть государства (СССР, Китай), ценным будет признано все то, что позволяет усиливать и увеличивать эту власть в ее различных проявлениях. Если утверждается, что в конечном итоге власть принадлежит человеческому разуму, так как именно люди способны изменять социальные институты с помощью своих осознанных действий, то власть будет сконцентрирована внутри идеациональных систем, таких как религия или СМИ, а ценность будет измеряться через степень приближенности к божественному или через степень влияния СМИ на социальное конструирование реальности. Переоткрытие понятия ценности позволяет социологу концептуализировать такие социальные практики производства, потребления и обмена, появившиеся в Европе в ответ на кризисные явления, как бартерные сети, этический банкинг, валюты местных сообществ, альтернативные средства платежа и прочее.

2. Одним из проявлений современного кризиса социологи рассматривают миграционный кризис, который З. Бауман определяет применительно к европейским странам как последствия массовой миграции в Европейские страны беженцев и экономических мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока [Bauman, 2016, p. 62]. Социолог развивает положения теории «текущей современности», исследуя причины и особенности миграционной паники. Понятие *миграционной паники* он определяет как чувство страха, распространяющееся среди большого количества людей относительно того, что пребывающие в страну мигранты угрожают экономическому и социальному благополучию граждан, а также безопасности общества [Bauman, 2016, p. 2]. Саму миграцию и миграционные кризисы социолог рассматривает через призму миксофобии и миксофилии. По З. Бауману, *миксофобия* – это характерная черта современного городского пространства, предполагающая страх перед неизвестной и неподконтрольной окружающей средой, тогда как *миксофилия* предполагает влечение к неоднородной, гетерогенной среде, обещающей удовольствия от погружения в новый, ранее неизвестный социальный опыт [Bauman, 2016, p. 9]. Говоря о последствиях миграции, З. Бауман утверждает появление новой социальной категории – лишних людей – локально ненужных людей в силу своей многочисленности и неспособности эффективно работать или социально отвергнутых в результате беспорядков, конфликтов и мятежей, вызванных политическими трансформациями, борьбой за власть [Bauman, 2016, p. 2].

3. Новый виток исследований влияния информационных технологий на трансформации современных обществ связан с концептуализацией целого ряда новых понятий. Одно из них – *гибридный мир* – М. Кастельс определяет как мир, где онлайн и оффлайн взаимодействия не разделены, как в виртуальном мире [Castells, 2015, p. 260-261]. Генезис и развитие этого мира оказывают значительное влияние на изменение современных социальных движений. По М. Кастельсу, публичное пространство социальных движений конструируется как гибридное пространство между социальными сетями интернета и публичным пространством города. Гибрид киберпространства и городского пространства составляет *пространство*

автономии [Castells, 2015, p. 250]. Автономность в понимании М. Кастельса предполагает отсутствие контроля со стороны властных институциональных структур. Автономию можно застраховать лишь за счет возможности организации сетей связи в свободном пространстве, но в то же время ее можно использовать в качестве преобразующей силы, оспаривая дисциплинарный институциональный порядок и возвращая пространство города его гражданам. Пространство автономии – это новая пространственная форма чистых социальных движений [Castells, 2015, p. 250]. Социальные движения, по М. Кастельсу, глоболокальны. Они зарождаются в конкретных контекстах по собственным причинам, выстраивают свои собственные сети и создают общественное пространство, занимая при этом городское пространство и подключаясь к Интернет-сетям. Эти движения глобальны, так как они связаны опытом движений по всему миру, они вдохновляются им и мобилизуются. Кроме того, они ведут постоянную дискуссию в Интернете, призывая друг друга к совместным глобальным демонстрациям в сети, демонстрируя космополитическую культуру. Как и многие другие социальные движения в истории, они породили собственную форму времени – *вневременное время*. Оно сочетает в себе два разных типа опыта. С одной стороны, люди живут изо дня в день, организуя свою жизнь так, будто это может быть альтернативное общество их мечты, безграничное в своем временном горизонте и свободное от хронологических ограничений предыдущей, дисциплинированной жизни. С другой стороны, в своих дебатах они ссылаются на неограниченный горизонт возможностей новых форм жизни. В настоящий момент они живут с точки зрения своего опыта и проецируют свое время в будущем истории с точки зрения их ожидания. Между этими временными практиками они отказываются от времени, подчиненного часам, поскольку человеческое время существует только в человеческой практике, а это двойное вечное время не менее реальное, чем время измеренное [Castells, 2015, p. 251].

4. Современные социальные трансформации, в том числе и те, что рассмотрены выше, заставляют социологов обращать свой взгляд в будущее и строить прогнозы относительно возможного развития сложных обществ. Строя свои предположения относительно возможных тенденций развития современного общества, Дж. Урри выдвигает *гипотезу постоянного состояния «в пути»*, согласно которой в современных условиях движение индивида не останавливается, он перманентно находится в дороге, движется куда-либо, даже когда кажется, что он достиг пункта назначения [Urqu, 2016, p. 138]. Основывая на этой гипотезе, социолог предлагает рассмотреть новую парадигму, которую он называет *парадигмой новых мобильностей*. В соответствии с ней передвижения людей и капиталов представляется не производной потребностью, а естественной необходимостью и неотъемлемой частью жизни [Urqu, 2016, p. 132]. Дж. Урри указывает на крайний динамизм современных обществ. С его точки зрения, устройство жизни характеризуется непрерывным *перестроением мира* – значительными переменами в жизненном укладе, где прежнее устройство отрицается в пользу нового и

характеризуется фразой «как можно было жить так, как раньше?» [Urry, 2016, p. 133]. При это автор отмечает некоторую цикличность развития, вводя понятие *циклов хайна* – периодически возникающего интереса и увлечения тем или иным событием, человеком, предметом или деятельностью. Эффект таких событий обычно переоценивается в краткосрочной перспективе и недооценивается в долгосрочной [Urry, 2016, p. 122].

В статье показаны лишь некоторые из множества новых направлений исследования социальных трансформаций, обозначенных современными социологами. Вводимые ими понятия и термины, используемые объяснения предпосылок, последствий и характера этих трансформаций, несомненно, обогащают категориальный аппарат социологической науки и способствуют развитию научного знания.

Литература

- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2014. 407 с.
Bauman Z. Strangers at Our Door. Malden MA: Polity, 2016. 120 p.
Castells M. Another Economy is Possible. Cambridge: Polity Press, 2017a. 226 p.
Castells M. Europe's Crises. Cambridge: Polity Press, 2017. 434 p.
Castells M. Networks of outrage and hope. Cambridge: Polity Press, 2015. 328 p.
Urry J. What is the Future? Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.